

Дмитрий Филиппенко

г. Ленинск-Кузнецкий

Печален я, и болен я
Непониманием и ложью,
Изогнутая колея,
Ломает жизнь мою и крошит.

Переделась вмиг страна
Из красных платьев в дорогие,
Но всё равно она пьяна
И прячет гениев в могилы.

И, видимо, не суждено
Расстаться мне с моей печалью,
Смотрю в российское окно,
По будущему я скучаю.

У нас погоде всё равно,
Что нынче праздник – День шахтёра.
Снег вышел шляться по просторам,
Не хочется смотреть в окно.

Уснул не очень трезвый парк,
Скамейки у ДК скучают,
И горожане все в печали –
И всюду снежная крупа.

На сцене ждут людей «Земляне»,
Им уезжать домой пора.
Артистам некому играть –
Лишь бомж играет на баяне.

Утро

«Кровавая Мэри» зари
Наполнит небесный бокал,
Закроют глаза фонари,
Проснётся проспекта река.

Зевают ночной продавец,
Продукты на полках лежат.
Зайдёт краснощёкий юнец,
Разбудит фольгой шоколад.

Спешат на работу шаги,
Сверкает троллейбусов медь...
Звучит государственный гимн –
Чтоб утро России согреть.

Я шатаюсь по городу пьяным.
Серый воздух. В Кольчугино осень.
Отшумели в подъездах баяны,
Или не было их там вовсе.

На аллее Шахтёрской славы
Надо мною смеются дети,
Я старался для них быть забавным –
Перегаром своим не задеть их.

Выхожу на дорогу я смелым,
И воздушна моя походка...
Гул. Авто. Тормоза. Я целый.
Только жалко, разбилась водка.

Что же я сделал, скажи мне, подруга?
Дай оправдаться или пропасть.
Плохая политика – прятаться в угол,
Злобу бросать в телефонную пасть.

Что же я сделал, ты чем недовольна?
Я неизвестность, поверь, не люблю.
Я не умею тебе делать больно...
Шансы приблизились плотно к нулю.

Ты убиваешь предательски нежно:
В речке тону, ей названиее «Тоска».
Что же я сделал, и есть ли надежда
Ветер вины в небесах отыскать?

Тишина, присядь со мною рядом,
Выпей чаю, вместе помолчим,
Будем запахи ловить ночного сада
И глаза ласкать огнём свечи.

Чёрный цвет моей душе приятен,
И со мной согласна тишина...
Одиночество со вкусом мяты
Подливай из чайника, Луна.

Когда-нибудь я не смогу кричать,
И издавать я буду только стоны.
Моя душа понизилась на тоны.
Погасла ночь – последняя свеча.

Когда-нибудь я не смогу дышать.
Мой воздух – жизнь, но я с ней разругался.
Я под неё отчаянно менялся,
Как будто шёлком, нежностью шурша.

Когда-нибудь я не смогу страдать.
Устав любить, я выброшу все драмы!
Я так хочу в далёкое, туда,
Где шепчет нежная и ласковая мама...

Я живу на улице шахтёров,
Той, что пахнет хлебом и углём...
Я люблю шахтёрские просторы,
Я люблю свой дворик и свой дом.

И рассвет ленинск-кузнецкой лапой
Гладит землю моего двора...
Я люблю шахтёра – он мой папа!
И Кузбассу – дружное УРА!

На Томи

Красивой линией вода –
Как будто это слёзы солнца.
Закат, луна – и никогда
Не сочинил бы это Моцарт!

А если ночью посмотрю,
То эта гладь на лёд похожа.
Я жду прекрасную зарю,
И речка ждёт со мною тоже:

Заря придёт, вздохнёт вода,
Проснётся медленное солнце –
Такое чудо никогда
Не сочинил бы даже Моцарт.

Наедине

Берёзовая боль в душе моей занозой,
И чёрно-белый голос надорван, но живой.
И я тебе шепчу:
– Останься верной розой...
Но в ночь уходишь ты – и замуж за него.

Я остаюсь собой наедине с собою,
Иглой своей по сердцу корябает мне страх.
Разрушила меня, оставила слепую
Мою любовь гореть закатом на глазах.

На кладбище животных
Несу свои стихи.
Среди травы болотной
Утонут в топь шаги.

Я вскапываю землю,
Своей пустой душой
Кладу своё безделье,
Своё нехорошо.

Я знаю: завтра в полдень
Стихи ко мне придут
И словно двадцать молний
Мне сердце обожгут.

Я знаю, прав был Стивен:
Нельзя родиться вновь.
Стихи позорят имя.
Умру среди стихов.